

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Черный маг
за УГЛОМ

Анна Ольховская

Черный маг за углом

Серия «Детективы о женщине-цунами»

**Серия «Криминальный
пасьянс Ланы Красич», книга 8**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5551550
Черный маг за углом: роман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63827-7*

Аннотация

В жизни Елены Осеновой настали самые черные времена. С недавних пор она отбывает срок в колонии строгого режима в компании таких же, как она, зэчек. Вот только в отличие от своих подруг по несчастью никаких преступлений Лена не совершала. Ее подставили и оговорили. Но доказать это у нее нет никакой возможности. Хуже всего, что в ее виновность безоговорочно поверили лучшая подруга Лана Красич и брат последней Яромир – человек, которого Лена безумно любит. Если в колонии Лена хоть в относительной, но безопасности, то ее любимые на воле – точно нет. Лена чувствует: им угрожает смертельная опасность и счет идет на дни...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	70
Глава 10	76
Глава 11	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Анна Ольховская

Черный маг за углом

Пролог

– Ничтожество! Презренный червь! Никчемная двуногая особь! Своей тупостью и бездарностью ты подтолкнул мой народ к краю пропасти! – бесновался высокий лысый мужчина с нечеловечески совершенными чертами лица.

Он вскочил с высокого, похожего на трон, кресла и заметался по гулкому залу, потолки которого терялись в темноте. Белоснежные балахонистые одежды служили парусом его тонкому телу, притормаживая судорожные рывки. Иначе Верховный жрец Гипербореи Эллар обязательно вцепился бы своим безупречным лбом в одну из мраморных колонн.

Чему Петр Никодимович Шустов, уважаемый ученый, профессор, светило, так сказать, российской науки, был бы очень рад. Это светило – а по совместительству глава фонда «Наследие» и Учитель для сотен марионеток-адептов культа Великой Гипербореи – с преогромным удовольствием сейчас лично засветило бы Эллару с ноги в лобешник. Но, во-первых, здесь Шустов находился ментально, его тело сейчас похрапывало в роскошной двуспальной кровати. А во-вторых, отдача бы замучила.

Потому что Эллар – не начальник ЖЭКа Сидор Семеныч. И даже не командир спецназа Загоруйко, не говоря уже об обрюзгшем Стивене Сигале. Эллар руками и ногами размахивать не станет, он лишь лениво пошевелит пальцами, и командир спецназа Загоруйко, Стивен Сигал и Сидор Семеныч в качестве вишенки на торте рухнут в той позе, в какой их застанет ментальный удар Верховного жреца Гипербореи.

Потому что жители параллельного пространства, Гипербореи, в отличие от обитателей Земли, не пытались выжигать магию каленым железом и пламенем костров. Они развивали и совершенствовали свои способности, пока некоторые из них, жрецы, не стали по сравнению с людьми равными богу. Да, собственно, для древних людей все гиперборейцы стали богами. Жестокими и злыми богами, приходящими из ниоткуда через Врата. Боги развлекались как могли, глумясь над жалкими людишками, пользуя их женщин, убивая мужчин.

И так увлеклись кровавыми забавами, что совсем упустили из виду один немаловажный нюанс – пусть в меньшем количестве, но на Земле тоже имелись люди, наделенные ментальной силой. Шаманы, колдуны, волхвы, ведьмаки и ведьмы, знахарки – их называли по-разному. И когда гнет пришельцев из Гипербореи стал невыносим, Сильные всего мира объединились и одновременно захлопнули все Врата, запечатав их со своей стороны навсегда.

А потом началось истребление гиперборейцев, застрявших на этой стороне. Те кинулись за помощью к жрецам, в

чьи обязанности входило дежурить возле каждых Врат и помогать в случае тотального трындеца.

И вот тотальный трындец изволил явиться, а жрецов-то и нет! За десятилетия беспроблемного глумления народец гиперборейский подрасслабился, бдительность была отправлена на задний двор, полоть укроп, а жрецы что, не гиперборейцы? Они тоже забили на дежурства массивный гвоздь и занимались своими жреческими делами. И только один из них, Раал, самый, пожалуй, сильный в то время, почувствовал что-то неладное и оставил на Земле часть своей души, заключив ее в огромный камень, сейд, стоявший на берегу северного озера.

И любой гипербореец с помощью специального кинжала-Ключа мог впустить в себя душу Раала и открыть Врата, разрушив самые сильные заклинания.

Но и местные шаманы тоже чувствовали Силу, заключенную в том сейде, поэтому ближайшие Врата запечатали двойным замком, а сам сейд объявили запретным местом, пообещав безжалостно убивать любого, кто попытается приблизиться к нему. Жители окрестных поселений стали стражами сейда. Они хорошо выполняли наказ шаманов, ни один гипербореец не смог добраться до Раала.

И жрец остался заточенным в камень на века. Но он не смирился. Его может освободить из сейда носитель древней крови? Значит, надо найти такого, его земляки славно повеселились с дикарками. Да, их кровь почти растворилась за

века в людской, но иногда потомки образовывали пары, и у них рождались дети, генетически близкие пришельцам из-за Врат.

Раал ждал, пока появится потомок с максимально чистой кровью, но проходили века, тысячелетия, а способного освободить жреца человека так и не рождалось. А там, в его мире, что-то происходило, что-то очень плохое, Раал это чувствовал – оставшаяся в Гиперборее частичка души позволяла.

И тогда жрец решил взять ситуацию под контроль. Он прервал связь с оставшейся частью души – это отнимало слишком много сил – и полностью сосредоточился на селекционном отборе нужных родителей будущего освободителя. А то, что освободитель, вернее, освободительница родилась в результате изнасилования, не суть важно.

Главное, родилась. Правильная девочка получилась: жестокая, холодная, коварная, скрытная, безжалостная. Способная устранить со своего пути всех, кого считала помехой, в том числе и родную мать. Хрупкая на вид, нежная и тихая Диночка Квятковская.¹

Дина смогла освободить Раала, впустив его в свой разум и обрета с его помощью сверхспособности. И почти смогла открыть Врата, но ей помешали. И кто? Жалкие людишки, не обладающие даже намеком на Силу! Правда, на их стороне оказалась Елена Осенева, тоже носитель древней крови, по-

---

¹ См. романы Анны Ольховской «Лгунья-колдунья», «Вампир, мон амур!», «Принц на черной кляче».

томок гиперборейцев, появившаяся на свет путем естественного, так сказать, отбора. Но никакими сверхспособностями Лена на тот момент не обладала, ее Сила требовала инициации.

Осенева вообще понятия не имела, кем она является. К тому же оказалась отвратительно, по мнению Раала, человеческой: честной, сильной, открытой, доброй, порядочной. И поэтому была выбрана в качестве одной из жертв, смерть которой необходима для открытия Врат.

И должна была лечь на жертвенный камень следом за своей лучшей подругой, Ланой Красич. Но пуля, влипшая в лоб Дины Квятковской, поставила кровавую точку в той попытке открытия.

А ведь почти получилось! Раал уже чувствовал напор с той стороны, призыв нынешних жрецов, и прежде всего – нового Верховного жреца, Эллара. И вдруг – такой облом! Носитель был убит! И то, что рядом находился другой подходящий носитель, живой и почти здоровый – если не считать побоев, – роли не играло. Носитель должен был добровольно впустить Раала в свой разум, чего вряд ли следовало ожидать от Елены Осеновой.

И Раалу пришлось снова войти в неживой предмет. В кинжал-Ключ, отброшенный в сторону и в суматохе забытый. И терпеливо ждать следующей, так сказать, оказии.

Но теперь долго ждать не пришлось – ему на помощь пришел Эллар, который, как оказалось, после потери жрецами

связи с Раалом начал свою подготовку открытия Врат. Гиперборея умирала, загадив свой мир так, что исправить ничего уже было нельзя.

И единственный шанс на выживание – уйти в параллельное пространство, на Землю. Тоже подпорченную человеческой жизнедеятельностью, но по сравнению с Гипербореей – просто рай.

Запертый изнутри рай. И чтобы открыть этот замок, нужна была армия. Армия зомбированных марионеток, беспрекословно выполняющих приказы. И полководец во главе этой армии, напрямую связанный с Элларом и таким образом наделенный силой Эллара.

Им стал Петр Никодимович Шустов, вернее, маленький калека Петя Шустов, принесший в жертву свою сестру. За это Петя получил здоровые ноги и амулет, носить который следовало не снимая. Стоило снять амулет – и ноги снова отказывали. А еще – начинала болеть душа, и не хотелось жить от кровавых воспоминаний.

Поэтому Петр Никодимович никогда не снимал амулет. Вот еще! Он здоров, ухожен, богат, его обожают женщины, он сделал себе имя в науке (в немалой степени благодаря Эллару), он создал благотворительный фонд «Наследие», занимающийся восстановлением языческих памятников. А по сути, это культ Гипербореи, та самая армия.

И именно он привел за ключом Сергея Тарского, своего аспиранта. И двоюродного брата Антона Тарского, первую

жертву Дины. Кровь Антона, пролитая во время ритуала, связала его с Гипербореей, и теперь его родственник вполне мог стать носителем разума Раала. Так называемым Проводником.

И стал. И снова пролилась кровь.

Следующей задачей было устранение тех, кто помешал открытию Врат в прошлый раз, и переманивание на сторону Тьмы Елены Осеновой.

Задача была решена. Ну почти.

Кирилл Витке, возлюбленного Ланы Красич, убить не удалось – изуродованный до неузнаваемости, потерявший память, но не сдавшийся Кирилл сбежал. Зато Осеневу арестовали и осудили как раз за убийство Кирилла, тут все прошло по плану. Лана, невеста Кирилла и подруга Лены, отвернулась от Осеновой, полностью попав под влияние Шустова. Так что долго холеная красотка Осенева в лагере не выдержит, скоро сломается и ради свободы пойдет на все.

И тут, как заноза в за..., гм, болезненная, в общем, и мешающая штука, объявился Матвей Кравцов, начальник службы безопасности холдинга Красичей, со своим помощником, Володей Свидригайло. Эти двое ведь находились в розыске по обвинению в соучастии в убийстве Кирилла Витке, должны были сидеть и не высовываться, так нет же! Умудрились помешать разобраться с серьезным противником, белым волхвом Никодимом! И вывести из строя дюжину зомбированных бойцов, среди которых был и сын Никодима,

Андрей, унаследовавший способности отца!

И теперь у Эллара и Раала появились серьезные противники, способные стать помехой.

За что Эллар и окунал сейчас Шустова в дерьмо раз за разом. Пусть и ментально, но приятного тоже мало, он все-таки профессор, а не пацан из подворотни. Но огрызаться нельзя, иначе...

Лучше не думать, что иначе.

– Раал, я все исправлю, – тихо процедил Шустов. – Надо просто усилить давление на Осеневу, чтобы она побыстрее стала нашей.

– И каким же образом ты собираешься это сделать?

– Я добился перевода Осеневой в другую колонию, где досиживает свой срок Кобра.

– Кто?!

– Надежда Ким по кличке Кобра. Она считает себя обязанной Лане Красич и Кириллу Витке за спасение ее сына, Саши,² поэтому встретит убийцу Кирилла соответственно...

– Все, хватит, я понял. Действуй!

---

² См. роман Анны Ольховской «Яд со взбитыми сливками».

Часть 1

Глава 1

– Осенева! К начальнику колонии! Осенева!! Ты оглохла, что ли?!

Резкий, скрипучий, похожий на тревожный крик макаки-резуса голос охранника болезненно ввинтился в сознание, растворившееся в прозе Тургенева. Не то чтобы Лена ассоциировала себя сейчас с тургеньской барышней, но мир, в котором жили те барышни, такой умиротворенный и березовый, где никого не уродовали, не подставляли и не скармливали свиньям, был настоящим раем для измученной души.

Вернее, лекарством. Как и другие книги из библиотеки колонии, которые Лена перечитала уже почти все. Единственное, к чему она пока не прикасалась – к так называемым мужским детективам, щедро замешенным на крови, хрусте костей и сексе.

Крови и хруста костей ей и так в жизни хватило. И подлости. И предательства. И отчаяния от невозможности доказать свою невиновность. И боли от потери надежды на счастье.

Потому что теперь Ярик, Яромир Красич, единственный

сейчас для Лены мужчина, даже не посмотрит в ее сторону. Ведь Елена Осенева – подлая тварь и жестокая сука. Мало того, что закрутила шашни с самым дорогим для лучшей подруги человеком, так еще и потом убила бедного Кирилла, попытавшись замести следы с помощью свинячьей кормушки! И ей почти удалось, милые хрюшки обглодали тело так, что опознавать пришлось по остаткам одежды и перстню.

И Милана Красич, сестра Ярика, ее лучшая подруга Ланка, красавица и умница, с которой Лене пришлось пережить столько всего – и хорошего, и ужасного, – поверила в весь этот бред! И отвернулась от Лены, вычеркнув ее из жизни раз и навсегда. Само собой, и Яромир тоже. Наверное.

Во всяком случае, за все проведенное за решеткой время Ярик ни разу не дал о себе знать. Да, он очень занят на съемках – восходящая звезда Голливуда, на минуточку, надо пахать как проклятому, чтобы не закатиться за горизонт. Да, у них с Леной все только начиналось, они и целовались-то всего пару раз, и больше ничего...

Лена чувствовала, что нравится этому мужчине, очень нравится. Но вряд ли он успел полюбить ее по-настоящему.

А вот сама Лена влипла. И, кажется, навсегда...

И от всего этого, от горечи, от безысходности, от выматывающей душу тоски и боли ей было так плохо, что жизнь в СИЗО, а потом здесь, в лагере, проходила словно отдельно от девушки.

Сначала подозреваемая, затем – обвиняемая и вот уже

– осужденная Елена Осенева внешне казалась биороботом. Очень молчаливым биороботом. После того как она поняла – подставили ее всерьез, не по-детски, без единого шанса, – Лена перестала общаться со следователем. Молчала она и на суде. Только в конце, когда судья предоставил осужденной последнее слово, Осенева встала и, глядя в заплаканные, потухшие, безжизненные глаза Миланы Красич, тихо произнесла:

– Ланка, как ты могла поверить в этот бред? Как?!

Лана вздрогнула, в глазах буквально на секунду вспыхнула искорка сомнения, но девушку тут же заботливо обнял за плечи ее новый друг – красавчик Сергей Тарский. И искорка погасла, снова наполнив карие глаза подруги пеплом.

А на лице стоявшего рядом с Тарским Петра Никодимовича Шустова тенью мелькнула насмешливая ухмылка.

Ухмылка победителя.

Лена прекрасно знала, КТО на самом деле стоит за всем этим кошмаром. Именно Шустов на пару с Тарским и убрали одного за другим всех искренне преданных людей из окружения Миланы Красич: любимого мужчину Кирилла Витке, лучшую подругу Елену Осеневу, начальника службы безопасности Матвея Кравцова – друга Кирилла, его помощника, толкового и сильного парня Володю Свидригайло, вlepившего когда-то в лоб Дины Квятковской пулю.

И у них получилось – Лана стала марионеткой в руках Шустова. И ее родители, судя по всему, – тоже. Насчет Яро-

мира Лена не была уверена – брат Ланы на суд не приехал, не отпустили со съёмок. Но, скорее всего, просто не захотел – Ярик не раз срывал график съёмок и мчался к своим, если считал это необходимым.

Не захотел лишний раз смотреть на шлюху, предательницу и сучку...

И Лена окончательно дистанцировалась от реальности. Она ни с кем не разговаривала и целыми днями лежала на нарах, отвернувшись к стене. Сокамерницы в СИЗО новенькую не трогали, предпочитая с ней не связываться. Матерых уголовниц в камере не было, почти все – первоходки, с несерьезными статьями типа мошенничества и кражи. А эта высокая девица с безразличным взглядом обвиняется в убийстве, да еще таком жестоком! Это же надо – скормить мужика свиньям! Маньячка просто какая-то, ну ее!

Но после суда, перед самой отправкой в колонию строгого режима Осеневу совершенно неожиданно повели в комнату свиданий. Неожиданно, потому что к ней никто, кроме назначенного адвоката, не приходил. Родители жили далеко, на Кубани, и Лена искренне надеялась, что они вообще не в курсе происходящего. А все близкие друзья и знакомые здесь, в Москве, так или иначе были связаны с Ланой и Кириллом.

И вдруг – ее ждут в комнате свиданий!

Впервые за последнее время сердце девушки замерло не от горя, а от радости. А вдруг? Вдруг?! Ярик понял, что Лена

ни в чем не виновата, что ее подставили!

И увидев стоявшего спиной к ней высокого стройного мужчину, Лена еле слышно прошептала:

– Я знала, я чувствовала, что ты...

А потом горло перехватила тугая петля спазма – мужчина повернулся.

Да, красивый. Да, молодой. Но вместо теплой глубины оттенка горького шоколада в глазах этого красавчика тяжело переливался ледяной свинец. Тускло-серый холод чужого мира. Абсолютно чужого. И в то же время...

Странное ощущение родства. Не с Сергеем Тарским, а с тем, кто смотрел на нее из глубины его глаз.

Но это было даже не ощущение, так, намек, мазнуло что-то по краю сознания и исчезло, утонув в лавине спящей ярости.

Если бы у Лены сейчас было хоть что-то стреляюще-колюще-режущее, она пустила бы это «что-то» в ход без тени сомнения, и стреляла-колола-резала до тех пор, пока бы эти двое не превратились в безжизненные клочья.

И не пялились на нее сейчас так презрительно, торжествуяще усмехаясь.

Сергей Тарский и господин Шустов собственными гнусными персонами.

А она еще и нюни распустила перед ними, приняв молодую особь рептилии за Ярика!

Лицо девушки стянуло ледяной маской, Лена повернулась

и пнула ногой дверь:

– Охрана! Я отказываюсь от свидания! Охрана!

– И от свободы тоже отказываешься? – бархатно мурлыкнул Шустов. – И согласна гнить за решеткой ближайшие двенадцать лет?

Лена замерла и снова повернулась к визитерам. Дверь за ее спиной лязгнула замком, и в комнату свиданий заглянул конвоир:

– Так че, свидание закончено, да?

Шустов вопросительно приподнял бровь, насмешливо глядя на Лену.

Девушка отвела взгляд и угрюмо буркнула:

– Пока нет.

– Эта че за фокусы? – окрысился коренастый сержант. – Я те че, собачонка, туды-суды бегать? Орала, что закончено, значит, топай в камеру!

– Пошел вон, – лениво произнес Шустов, разглядывая ногти на правой руке.

– Чего-о-о? Да ты у меня сейчас...

Побагровевший от возмущения конвоир вдруг странно булькнул и замер, словно кролик перед удавом. Краска постепенно стекала с его лица, капая в пятки, и на смену багрянцу спешила мертвенная бледность. Взгляд же бедолаги буквально прилип к бледно-голубым глазам Шустова.

Сержант пытался что-то сказать, но слова не могли прорваться сквозь застрявший в горле ужас, клокоча в глубине.

И конвоир начал медленно пятиться до тех пор, пока не оказался за дверью.

Которую и захлопнул с дребезжащим грохотом.

А Шустов перевел взгляд на Лену:

– Ну что, поговорим?

Глава 2

– Говорите, – холодно процедила Лена, усаживаясь на привинченный к полу стул. – Можете между собой, или ожидается монолог главной мрази? Хотя нет, – она приподняла левую бровь и презрительно усмехнулась, – марионетки главной мрази. Слышишь меня, тварь? – девушка резко наклонилась к сидевшему напротив Шустову и всмотрелась в глубину цвета застиранного голубого ситчика. – Что тебе надо? Чего ты привязался к нам? Зачем тебе Ланка понадобилась?

Лена мимолетно, на периферии сознания, поразилась собственному поведению и непонятно откуда взявшейся уверенности в своих словах. Она совершенно точно ЗНАЛА – там, внутри разума сидящего напротив человека, находятся сейчас две сущности. И главная из них – не сам Шустов.

То, что еще совсем недавно показалось бы ей бредом, сейчас стало реальностью. И Лена ничуть не боялась клубящегося сгустка тьмы в блеклой глубине. Ну вот ни капельки. Потому что и так оказалась на дне смердящей ямы, куда уж дальше? Что еще можно потерять? Жизнь?! А нужна ли ей такая жизнь?

Шустов, похоже, не ожидал подобного поведения. Во всяком случае, он вздрогнул и непроизвольно отшатнулся от приблизившихся вплотную ярко-зеленых глаз.

Ведьмачьих глаз. Шустов еще при первом знакомстве отметил редкий оттенок радужки этой высокой стройной брюнетки. Да и сама она, гибкая, сильная, тонкая, с выразительными чертами лица, будила в профессоре какие-то странные, глубоко зарытые под слоем липкой грязи чувства. Но какие именно, Шустов понять не мог.

И злился на непокорную девицу, и с особым рвением стремился победить ее, подставить, унижить, раздавить, превратив в безвольную амебу, готовую выполнить все приказы Господина.

И там, на суде, Шустову показалось, что он добился своего – Елена Осенева, последняя из известных потомков гиперборейцев с высоким процентом генетического соответствия, сломлена.

А как иначе – девушка вела себя так, словно все происходящее ее не касается. На скамье подсудимых сидела тряпичная кукла с отсутствующим взглядом. Она игнорировала все обращенные к ней вопросы (чем не могла не раздражать судью), безразлично выслушала приговор и только в конце пролепетала что-то жалкое своей подружке, Милане Красич.

Правда, даже этот лепет едва не разрушил блок транса, в котором находилась Милана. Тоже вот головная боль! На удивление сильная личность пряталась внутри сексапильной красотки! А ведь на вид – настоящая кисяу с интеллектом Барби: точеная фигурка с аппетитной грудью, длинные ноги, роскошные, слегка выующиеся волосы каштанового оттенка,

большие миндалевидные глаза, чувственный рот. Зачем такой мозги, таким мозги не надо. Но стоило заглянуть в кошачьи глаза Ланы поглубже, и можно было увидеть и ум, и силу воли, и преданность, и верность, и стойкость, но главное – любовь. Любовь к своему мужчине, Кириллу.

Имена эта любовь доставляла массу проблем. Вернее, стала главной проблемой.

Потому что мешала получить над девкой полную власть – Милана до сих пор не подпускала к себе Тарского слишком близко. Да, Сергей стал ее другом, он почти постоянно находился рядом с девушкой, но дальше дружбы дело не шло.

А должно было! Только отдавшись Тарскому (и вместе с ним Раалу) целиком и полностью, во всех смыслах, Милана Красич превратится в Открывающую Двери.

И совсем не надо тащить эту девку к каким-либо из Врат, Ритуал Открытия можно будет провести в любой точке Земли, хоть в подмосковном лесу.

Главное, чтобы никого из посторонних там не было, только члены «Наследия», Проводник (Сергей Тарский) с Ключом и Открывающая Двери. Ну и Учитель, конечно, чтобы создать из оболваненных марионеток Большой Защитный Круг, ограждающий Ритуал Открытия от возможных помех со стороны земных Сильных.

И когда Ключ-кинжал войдет в сердце Миланы Красич, все Врата, до единого, по всей Земле, распахнутся! И народ Гипербореи хлынет из своего умирающего мира в этот, что-

бы править здесь вечно!

Почему Открывающей Врата стала именно эта девица? Потому что она уже один раз почти открыла Врата. Пусть одни, там, на Олешинном острове, пусть Дина Квятковская не успела завершить ритуал жертвоприношения, но Милана успела стать связующим звеном между двумя мирами. А на поиски другого звена не было времени – мир Гипербореи угасал слишком стремительно.

Поэтому и был придуман план превращения Миланы Кра-сич в послушную марионетку. В принципе, все почти получилось, но без накладок не обошлось – Кирилл куда-то исчез, причем бесследно, что в общем-то невозможно. Ну сами посудите – КАК может пропасть изуродованный человек, лишенный памяти? Который вообще двигаться не должен из-за дикой боли, выворачивающей тело наизнанку?! Но этот ублюдок сначала умудрился сбежать буквально из-под их с Сергеем носа, а потом исчезнуть в осенней ночи без следа!

Хотя нет, следы они с Тарским нашли. Кровавые следы на дороге. Похоже, Кирилла сбила машина, а тело сбивший решил увезти и где-нибудь закопать. А тогда им пришлось в срочном порядке выбрать из адептов гиперборейского культа более-менее похожего на Кирилла Витке мужчину, убить его, одеть в вещи Кирилла, нацепить на палец приметный перстень Витке и бросить в кормушку свиньям – чтобы тело было невозможно опознать.

Пусть и действовали в цейтноте, но все обошлось. Прав-

да, первое время Шустов опасался, что объявится живой или мертвый настоящий Кирилл Витке, но дни шли за днями, выстраиваясь в недели, а потом в месяцы, – Кирилл не появлялся.

А в остальном все шло по плану – Осеневу осудили, Милана Красич и ее родня больше всех на свете теперь доверяют профессору Петру Никодимовичу Шустову и его аспиранту Сереженьке. Потому что Петр Никодимович лечит маменьку Миланы, у которой онкология, а Сереженька стал настоящим спасением для бедняжки Ланы, в один миг потерявшей двух близких людей: любимого мужчину и лучшую подругу.

Спасением, жилеткой, другом, но не любовником, черт возьми, не любовником! Упертая девка никак не желала подпустить к себе Тарского ближе! А насилие в этом случае неприемлемо, она сможет стать Открывающей Двери только добровольно! И магию тоже не употребишь!

Вернее, употребишь, чем бы еще Шустов смог в принципе задурить голову этой сильной девке, но то, что когда-то вышло у Дины Квятковской с братом Ланы, Яромиром, ³ у Тарского не получается. Потому что он – человек без единой капли Древней Крови. И присутствие в нем Раала в данном случае помочь не может.

Зато вот эта вот зеленоглазая девица, если верить Эллору, сможет помочь. Спящая внутри нее Сила в состоянии сломать последний рубеж обороны Миланы Красич. Осене-

---

³ См. роман Анны Ольховской «Вампир, мон амур!».

ва ведь была лучшей подругой Открывающей Двери, и там, глубоко внутри, Лана все еще верит в нее.

Эту веру и можно будет использовать. Но только после того, как сломленная Осенева сдастся, как говорится, на милость победителю. И будет послушно лизать пыль у его ног. Только тогда возможна инициация спящей пока Силы.

А в том, что эта Сила есть, Шустов убедился в очередной раз – она яростно полыхала в яркой зелени приблизившихся вплотную глаз. И она же позволила этой девице понять суть происходящего и хлестать, хлестать наотмашь презрительными словами:

– Ну, что молчишь, куклениш? Ниточки оборвались? Ли-хорадочно связываешь их сейчас? Скажи своему хозяину, чтобы он сменил крышу – эта подтекать начинает!

– Заткнись, шлюха! – к Осеневой рванулся стоявший у зарешеченного окна Сергей. – А то я тебя сейчас...

– Не лезь! – рявкнул Шустов, жестом остановив замахнувшего напарника.

– Да ведь она обнаглела, Петр Никодимович! Мы к ней с добром...

– С добром?! – Лена задохнулась от возмущения. – С добром?! Убив Кирилла, превратив Ланку в зомби бездушную, сломав мою жизнь, вы еще смеете кричать про добро?!!

– Мы сломали, мы и починим, – спокойно парировал Шустов.

– Как? Оживите Кирилла? Вы еще и в магии вуду дока,

да, профессор? Судя по состоянию Ланы – именно так оно и есть! А теперь хотите и меня в свою коллекцию зомби добавить, так?!

– Ерунду не говори, девочка, – поморщился Шустов, мысленно чертыхнувшись – ничего сегодня не получится, эта зеленоглазая чертовка мгновенно разобралась в ситуации. – Мы хотели предложить тебе сделку: свобода в обмен на сотрудничество.

– Какое сотрудничество? – мгновенно подобралась Лена.

– А, заинтересовалась! – насмешливо усмехнулся Тарский. – Надоело нары греть и баланду хлебать, да, красавица? В джакузи обратно хочется, да чтобы шампанское рекой, да самец классный рядом! Могу, кстати, предложить свои услуги!

– Самке павиана предложи, членистоногий, – брезгливо дернула губой Лена. – Хотя нет, она тоже откажет – уж очень ты гадок. Шустов, по существу говори – что ты хочешь в обмен на мое освобождение? И как, кстати, ты собираешься его добиться?

– Как – не твоя забота. А что... – Шустов с сомнением посмотрел на девушку – лицо серьезное, сосредоточенное, в глазах – неподдельный интерес. Похоже, реально заинтересовалась перспективой выхода на свободу. Ну что же, в конце концов, он ничем не рискует. – Ты должна будешь убедить Лану стать любовницей Сергея.

– И все?!

– И все.

Лена с минуту молчала, переводя взгляд с Шустова на Тарского, а потом тишину разбил на мелкие осколки звонкий смех:

– Значит, облом у вас с Ланкой? Не удалось в койку затащить? А так хочется, что даже на сделку со мной пойти готовы? – Она вдруг резко оборвала хохот и, недобро прищурившись, процедила: – А ведь это, похоже, и есть ваша главная цель. Как бы нелепо это ни звучало. Не знаю, зачем вам надо завладеть Миланой целиком и полностью, но помогать я вам не стану. А еще – постараюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы помешать.

– А вот с этим у тебя облом, милочка, – сжал губы в нитку Шустов. – Помешать нам, сидя в колонии, ты никак не сможешь. А мы рано или поздно добьемся своего. И в твоих интересах было бы стать на нашу сторону. По сути – на свою.

– В смысле?

– А смысл знать тебе пока рано. Не созрела еще. Вернее, не догнала. Надоест гнить – зови. Охрана!

Глава 3

И парочка, почти визуально хлопая крышками бурлящих от злости чайников, отбыла по месту гнездования.

А Лена на время ожила: теперь, когда она точно знает – ее Ланка все еще держится, ублюдкам не удалось добиться полной власти над подружкой, – она просто обязана вырваться отсюда! Любой ценой, как угодно, но – вырваться! Чтобы потом вырвать Милану из чертова круга.

Тем более что действовать ей в одиночку не придется – Матвей на свободе, и его помощник Володя, спасший их с Ланой тогда, на Олешинном острове, тоже в бегах. На суде, во всяком случае, их не было.

Главное, чтобы они скрывались где-то вместе, тогда не придется тратить время на поиски одного, а потом другого. А когда Лена найдет Матвея, она расскажет ему все, что узнала о замыслах этих уродов. Да, конечная их цель пока не очень ясна – для чего им добровольный секс с Миланой Красич? Хотя, если вспомнить, во ЧТО превратила в свое время Яромира та тощая крыска, сделав его своим любовником...

Лучше не вспоминать.

Поглощенная поисками вариантов помощи подруге, Осенева все время упускала из виду один ма-а-аленький нюансик. Хотя не такой уж и маленький, и маячил он все время на виду, подпрыгивая и семафоря щупальцами, и смердел

нарами и потными телами, но Лена игнорировала выходки откормленного куска гнусной реальности.

Пока этот кусок не разросся до размеров колонии строгого режима, куда ее отправили отбывать назначенные двенадцать лет.

И где новенькую встретили не тихие первоходки-мошеницы, а бывалые зэчки с тремя рядами монист на шее, где каждая монетка – уголовная статья.

Правда, на момент прибытия Осеневой в колонию самые буйные и непокорные уголовницы досиживали сроки в штрафном изоляторе, куда их затолкал от греха подальше начальник ИТК.

И замер в ожидании инспекционного чеса, который учинил новый босс УФСИН. После визита генерала частенько вместо начальника очередной колонии оставалась раздавленная тапкой тушка, конвульсивно подергивающая лапками.

Поэтому и были учинены тотальные шмон и зачистка подведомственной территории. И колония стала напоминать санаторий не очень богатого предприятия.

И оставалась такой еще с неделю после отбытия комиссии, в целом удовлетворенной увиденным. Так, пару пистонов начальнику вставили, чтобы не расслаблялся, но тушка, место и погоны не пострадали.

Поэтому Лена Осенева еще пару дней после появления в колонии могла игнорировать склизкую амебу реальности,

раздраженно отводя ее увеличивающиеся щупальца в сторону. Пока два щупальца амебы не приняли человекообразный вид и не пошли в атаку целенаправленно, исключив случайности.

И даже имена у щупалец появились. Вернее, клички. Шречка и Чуня. Милые такие, изящные, кокетливо-женские прозвища, исключительно точно отражающие облик носивших их особей.

Дама, откликающаяся на кличку Шречка, в принципе не имела права писать в графе «пол» – женский. Потому как ничего женского в данном примате не было. Ну вот совсем. А вот квадратная плотная фигура с горбом жира на спине имелась. И мощные ручищи молотобойца. И маленькая, похожая формой и размером на свеклу голова присутствовала. Правда, без шеи – несуразно маленькая головенка вырастала прямо из горы плотного сала. Но зато на ней уместились узкие щелки глаз, бесформенный кусок плоти с двумя дырочками, выполняющий, судя по расположению в центре свеклы, функции носа, толстые губы, цветом и жирным блеском напоминавшие откормленных дождевых червей, и апофигей образа – редкие, короткостриженные волосенки, вытравленные перекисью добела.

Если честно, мультяшный Шрек, за сходство с которым сия трепетная фемина получила свое прозвище, был Мистером Вселенная по сравнению с ней. И в первую очередь потому, что Шрек был добрым.

А у его тезки из колонии это свойство человеческой натуры отсохло в связи с невостребованностью. Зато злобы, жестокости, похоти, глумливой наглости и прочих милых бантиков на личностном платъице дамы имелось с избытком.

Как и у ее верной подруги. Или все же друга?

Потому что прелестница по кличке Чуня тоже не имела талии, бюста и совести. Что касается особых примет внешности... Свинью на задних копытцах представили? А теперь натяните на нее робу зэчки, слегка уменьшите ушки, копытца превратите в короткопалые ладони и ножки сорокового размера, нацепите на темечко парик из спутанных черных волос и – вуаля! – перед вами Чуня.

Именно этих двух девчушек и застала Лена за вдумчивым изучением ее вещей, когда вернулась после смены. Спина гудела – за время, проведенное здесь, девушка еще не привыкла просиживать целый день за швейной машинкой, вставая только в туалет и на обед. Да и однообразная работа – в колонии шили постельное белье – к концу смены затягивала мозги плесенью, которую Лена счищала с помощью чтения – она первым делом записалась в библиотеку колонии и взяла там «Поющих в терновнике» Колин Маккалоу. Библиотекарь, тихая пожилая женщина из числа заключенных, отбывавшая срок за убийство мужа, алкаша, тирана и садиста, очень просила относиться к ветхой и потрепанной книге с максимальной бережностью. Осенева, разумеется, пообещала – она и так никогда не швыряла книги где попало и не

перелистывала страницы жирными пальцами.

А вот развалившаяся на ее койке тетка, белесыми ресничками и образом в целом напоминавшая жирную свинью, перелистывала именно жирными пальцами. Щедро намазанными ее, Лены, кремом для лица! Это Осенева поняла, увидев валявшуюся на полу пустую баночку.

А еще на полу валялись ее вещи из сумки. В том числе и нижнее белье, правда, не все – огромная бабища, напоминавшая монолитный кусок сала, как раз жадно внюхивалась в трусики Лены, утробно постанывая при этом.

– Ой! – тихо пискнула рядом Рюшка, забавная рыжая девчонка, получившая срок за наркотики – у Шуры (так на самом деле звали Рюшку) заболел лейкозом младший брат, нужны были деньги, и другого способа заработать их быстро и много Шурка не нашла. Их с Леной койки как раз и стояли этажеркой друг над другом, и девушки вполне мирно уживались. – Шречку и Чуню выпустили из ШИЗО! Конец спокойной жизни...

– Это с какого перепугу? – возмутилась Лена. – И вообще, что эти жирные жабы себе позволяют?!

– Тише! – от испуга Рюшка даже присела. – Не кричи, а то услышат!

– И что?! Пусть слышат! – Осеневу уже трясло от отвращения и злости. – А ну, пошли вон, твари! И вещи на место положили!

Барак мгновенно затих, словно приклепнутый мухобой-

кой тишины. Занимавшиеся своими делами женщины замерли, кто в предвкушении развлечения, кто – испуганно, а кто-то и сочувственно.

Дура эта новенькая, не соображает, что творит. Рюшка, кстати, могла бы и разъяснить местные порядки, хвостиком ведь за новенькой бегают.

Рыжуля, судя по всему, решила заполнить пробел в образовании Лены, пусть и запоздало. Она судорожно вцепилась в руку Осеновой и потянула за собой:

– Тише ты! Идем, я тебе все объясню! Это же Шречка! И Чуня! Они здесь главные!

– Главный здесь начальник колонии, как я понимаю. – Лена раздраженно выдернула свою руку из вспотевших ладошек Рюшки и решительно направилась к своей койке. – А эти две бочки сала – такие же зэчки, как и все!

Нет, Лена вовсе не была наивной дурочкой, она прекрасно знала о царящих в колониях нравах, наслушалась страшилок во время пребывания в СИЗО. Но знала также и то, что ни в коем случае нельзя показывать слабинку, иначе займешь самое низкое место в лагерной иерархии. Ниже и гаже которого некуда.

К тому же наглое поведение двух реально мерзких и противных баб больно ударило по и без того натянутым нервам Осеновой, мгновенно сжав внутри опасную для окружающих пружину, приведя ее в боевую готовность.

О существовании этой пружины сама Лена пока и не по-

дозревала. Она просто почувствовала, как ее накрывает волна слепящей ярости, в которой сконцентрировались не только гнев из-за чужой наглости, но и вся боль, вся ненависть, все отчаяние и безысходность последнего времени.

А гнусный нос в ее белье и жирные пальцы на книге стали лишь последней липкой каплей, переполнившей душу девушки...

Глава 4

– Ух ты! – из глубины заплывших щелочек на мордени Шречки вспыхнула похотливым блеском мутная серость. Она медленно развернулась всей тушей к приближавшейся Лене и по-хозяйски осмотрела ее фигуру: – О...еть! Чунька, глянь! Это ж модель прям какая-то! К нам на зону еще такие не попадали!

– Не, была одна, помнишь? – плотоядно сглотнула слюну подружка. – Ну, пять лет назад, М...вошка! Которая своего богатенького е...ря по башке слишком сильно стукнула, когда он ее метелил за что-то там. Старательная была девочка! – блекло-голубые глазки подернулись жирной пленкой похоти. – Виртуозно язычком работала! И не кобенилась, сразу поняла, ху, как грицца, есть ху!

Дама зашлась захлебывающимся хрюканием, что, собственно, гармонично уживалось с ее кличкой. Восхищенная собственным остроумием, она продолжала блистать изящными сравнениями и пикантными наблюдениями:

– А ху-то у нас и нет! Но мы и без ху управляемся, скажи, Шречка! Как ты этой М...вошке вставляла, помнишь? Та потом в больничку бегала! Жалко, перевели ее на другую зону после того, как мы чутка перестарались...

– Ни... себе чутка! – тихо произнес кто-то из зэчек. – Да вы инвалидом девку сделали, она теперь родить не сможет!

– Эй! – хрюкание и повизгивание мгновенно перешло в грозный рык. – Это кто там пасть открыл! Ну, чего затиха-
рилась, сука? За базар отвечать кто будет?

– Хватит верещать, кабаниха, – процедила Лена, остано-
вившись в метре от своей оккупированной койки.

– Она не кабаниха, она Чуня, – пискнула из-за спины от-
важно последовавшая за новенькой Рюшка. – Осенева, ну не
надо! Ты не представляешь...

– Это они не представляют, – брезгливо поморщилась Ле-
на. – Не представляют, что такое правила хорошего тона. Су-
дя по всему, образования здесь – три класса церковно-при-
ходской школы максимум. Вы хоть подписывать бумаги уме-
ете, а, бревна? Или крестик ставите? Нет, скорее всего – от-
печаток жирного пальца.

– Что-о-о?! Ах ты, б...дь! – Чуня дернулась было с койки,
но Шречка остановила подругу жестом:

– погоди, не надо.

– Как это – не надо?! Ты что, позволишь этой соске нас
раком ставить?!

– Раком она у нас стоять будет, ты ж в курсе, Чуня. Ни-
куда не денется, и не таких обламывали. – Шречка развали-
лась на койке поудобнее. – Мне та-а-ак нравится ее базар.
Ерепенится, красотулечка моя, глазками своими зелеными
сверкает! Ух ты, киса! Ты вот ее с М...вошкой сравнила –
не, та тощая крыса этой побл...шке и в подметки не годится!
Там ни сисек толком не было, ни фигуры – одни кости! А

кости широкие, наши, крестьянские. И пахла она по-нашенски, обычной бабой. А эта... – особь снова поднесла к носу трусики Лены и с шумом втянула воздух. – Эта пахнет ох... тельно! И ведь не духи, свой запах. Она из другого мира...

– Инопланетянка, че ли? – гыгыкнула Чуня. – Зеленый человечек? Дак у нее тока глазки и зеленые, а все остальное – обыкновенное.

– Не-е-ет, не обыкновенное! Косточки тонкие, тело гибкое, сильное, и все при ней – и попка, и грудки! Породистая лошадка, ничего не скажешь. И необъезженная, что вообще крышу сносит! – гулкий голос Шречки все сильнее вибрировал от нарастающего возбуждения.

– Ты закончила? – холодно осведомилась Лена, отстраненно удивившись странному ощущению в области солнечного сплетения – там разрастался плотный комок пульсирующей энергии, все тело мелко подрагивало, словно сквозь него пропускали слабые токи, как на физиотерапии.

Шречка, похоже, заметила эту дрожь и истолковала ее по-своему:

– Видишь, Чуня – наша киса боится, вон, трясет ее, того и гляди – обделается, но все равно хвост трубой, шипит, мявкает что-то обидное. Го-о-ордая!

– Ага! – белесые реснички блаженно сомкнулись. – Ох, Шречка, я шчас кончу! Как представлю эту барыньку всю, целиком... А мы ее... Скорее бы отбой!

– А мы не будем ждать отбоя! – две дырки в бесфор-

менном комочке носовой плоти похотливо раздулись. – Мы сейчас урок этой сучке дадим, доходчиво так, на практике. Лабораторные занятия устроим. Заодно и остальные б...ди вспомнят, на кого можно пасть открывать, а на кого – нет.

– Так это... – поскребла затылок Чуня. – А если дежурный вертухай заглянет? Они ж перед отбоем обход делают.

– Ниче, Проныра на стреме постоит, – свинцовый взгляд перетек на тощую долговязую тетку лет сорока, пытавшуюся прикинуться ветошью на своей койке. – Да, Проныра? Постоишь? Уважишь своих подруг по нарам?

– К-конечно, – быстро-быстро закивала та, – п-постою.

– Ну и чего разлеглась? Встала и пошла к дверям! А то мне не терпится нашу красотку попробовать!

Проныра шустро скатилась с койки и метнулась на пост. А Шречка, от которой все сильнее и сильнее пер мощный поток неудержимой похоти, медленно поднялась и, поигрывая непонятно откуда взявшейся опасной бритвой, приблизилась к Лене.

Ростом бабища оказалась на полголовы выше Осеновой – под два метра. В ширину – раза в два шире. И воняла прелестница чудовищно – личной гигиеной дама явно пренебрегала.

Головка-свеколка наклонилась, и липкие губы принялись слюнявить мочку Лениного уха:

– М-м-м! Как сладко! Ну, что стоишь? Раздевайся! – Лезвие бритвы вплотную прижалось к сонной артерии девушки,

Лена почувствовала, как по шее потекла кровь. – Ой! Я тут тебе кожицу случайно порезала, уж больно она у тебя нежная и тонкая, кожа твоя! Так что ты поосторожнее сейчас двигайся, помедленнее, танцуя одежды свои сбрасывай. Если не хочешь, чтобы я личико твое по своему вкусу подправила.

– Похоже, насчет тебя я ошиблась, – процедила Лена, с трудом сдерживая тошноту омерзения, – ты осилила и среднюю школу. Речь вот вполне грамотная, почти не материшься – просто профессор среди тебе подобных. Вот уж не думала, что когда-нибудь встречу самку снежного человека, которая не только внятно разговаривать умеет, но еще и в школе училась. Кстати, шерсти у тебя на теле не так много, как все думали. Но в целом – да, большая обезьяна.

– Говори, говори, – утробно проурчала бабища, орудуя уже не только губами, но и языком, и тяжелая лапа больно сдавила грудь Лены. – Еще! И начинай двигаться, как велено, а то порежу! Чуня, помоги нашей малышке начать раздеваться!

Второе чудище поднялось с кровати и глумливо прошлось по напряженному телу девушки лапами:

– Твою ма-а-ать! Шрек, она на самом деле конфетка! Сосательная! Ну его на..., этот стриптиз, давай ее прям тут, на полу, завалим! Потом пусть спляшет! А то я не выдержу!

– Ну давай, – невнятно прочмокала подруженька, продолжая заливать слюнями ухо Лены. – Срывай с нее робу!

– Но так же нельзя! – Рюшка воинственно сжала кулачки

и со слезами на глазах повернулась к смущенно отводившим глаза остальным обитательницам барака. – Ну что вы сидите и молчите! Нас же много! Сколько можно терпеть этих тварей! От них ведь житья нет, все посылки потрошат, самое лучшее отбирают! А что они с Женькой сделали?! И ведь мы все молчали, как последние дряни, когда начальник колонии хотел узнать, кто изуродовал девчонку!

– Рюшка, Рюшка, – покачала головой самка йети, оторвавшись наконец от уха Лены, – а ты, оказывается, тупее, чем я думала! Радовалась бы, что мы на тебя внимания не обращаем, так нет – вякаешь что-то непотребное!

– Это вы творите непотребное! Я начальнику колонии все расскажу, мне надоело молчать!

– Стукачкой, значит, заделаться решила? – удивленно хмыкнула Шречка. – Ты представляешь, Чуня, кто у нас тут завелся? Надо будет с ней разобраться, но это потом, попозже, сейчас у нас занятие поинтереснее имеется. И не пытайся тут бунт устроить, тля рыжая, у нас бабы понимающие, никто не хочет ночью заточку в сердце получить, да, красавеллы?

Она угрожающе обвела взглядом барак – женщины склонили головы и угрюмо молчали. Шречка удовлетворенно усмехнулась и потянулась губами к губам Лены, возбужденно бубня:

– Ну все-все, не сопротивляйся! Открой ротик! Будешь послушной – будешь в шоколаде! Я своих девочек балую...

– А заодно уродую, – прошелестело из дальнего угла барака.

– Еще кто-то хочет следом за Рюшкой лишнюю кровь спустить?! – рявкнула Чуня.

Рыжуля испуганно пискнула и попыталась броситься к выходу, но удар кулаком в лицо швырнул ее на пол, где девушка и осталась лежать, заливая все вокруг кровью из сломанного носа.

И именно это стало последней искрой для энергии, накапливавшейся внутри Лены.

В следующее мгновение шаровая молния, пульсировавшая в солнечном сплетении, взорвалась. И девушка на какое-то время ослепла и оглохла.

А когда слух и зрение вернулись, Лена сначала поразились звенящей тишине вокруг. Потом увидела бледные, испуганные лица женщин, жавшихся по углам. Восхищенно-торжествующие глаза Рюшки, уже не лежавшей, а сидевшей на полу с прижатым к носу полотенцем.

А в метре от себя – Чуню и Шречку.

В глазах которых не было даже следа разума. Рядом стояли, раскрыв рты и пуская слюни, два овоща...

Глава 5

Разум так и не вернулся к Шречке и Чуне. Первые дни их держали в местном медицинском изоляторе, но вскоре перевезли в психиатрическую клинику, и о них больше никто не слышал.

Да, собственно, и не хотел слышать. Никто не проронил даже полслезинки над их горькой судьбинушкой, наоборот – все без исключения обитательницы барака вздохнули с облегчением. И все до единой ни слова, ни даже буквы не проронили насчет происшедшего. Хотя к начальнику колонии таскали всех, и не по одному разу – отчитываться ведь Хозяину надо было перед руководством, а что писать? С чего бы вдруг две абсолютно здоровые тетки, психика которых казалась такой же монолитной, как сало на их телах, превратились в мычащих и пускающих слюни особей, не способных контролировать даже собственные сфинктеры?

Черепно-мозговые травмы исключались – на теле заключенных Криворучко (Шречка) и Борискиной (Чуня) не было найдено даже крохотных синячков, и шишек на чугунных лбах – тоже. И черепа своей монолитностью и весом напоминали булыжники. А где вы видели травмированные булыжники?

В общем, геморрой еще тот! Но начальник колонии, подполковник Сивцов, был, в общем-то, не очень рассержен. Ес-

ли честно, он даже бахнул коньячку на радостях.

Потому что это был конечный геморрой – там подмазал, тут подмаслил, денежка здесь, денежка там, и все шито-крыто. Необходимые документы готовы, Криворучко и Бориски-на отправлены в спецпсихушку.

А вместе с ними отправлены бесконечные головняки, повторяющиеся с дебильным постоянством – уgomонить этих двух не удавалось. И подполковнику Сивцову, чтобы не огрести качественных трындюлей, приходилось еще и прикрывать бабищ, выписывая поддельные медицинские заключения.

А что было делать?! Сивцов прекрасно знал, кто превратил заключенную Евгению Маслову в инвалида, но доказательств – ноль. Свидетелей нет, все молчат. Даже сама Маслова, запуганная и сломанная, упорно молчала. Единственное, что подполковник мог сделать для бедолаги, – перевести Женю в другую колонию, где не было подобных Криворучко и Борискиной тварей.

А теперь и у него их не было. Ну как не выпить коньячку за это? В колонии в целом, а в бараке, где случился инцидент, – особенно, вообще теперь тишь да гладь!

Никаких драк, никаких склок, не чифируют, никого не прессуют, не глумятся, не опускают. Пионерский отряд, а не колония!

В бараке действительно можно было теперь более-менее спокойно отбывать срок, не боясь угроз и издевательств. И

подпевалы Шречки и Чуни, их подобострастные вассалы, тоже притихли. Никому из них даже в голову не пришло ночью, к примеру, попытаться отомстить за своих владычиц тюремных и воткнуть Ведьме заточку в сердце.

Это же Ведьма! Свидетельницы происшествия на всю жизнь запомнили, как страшно изменилось тогда лицо новенькой!

Нет, оно не стало уродливым, наоборот – и без того правильные черты внезапно стали нечеловечески совершенными. А глаза... Зрачки, казалось, растеклись на всю радужку, и глаза заполнил темно-фиолетовый огонь.

Тонкие ноздри затрепетали, руки раскинулись в стороны, а потом...

Потом воздух вокруг новенькой задрожал и вспыхнул! Белым таким пламенем, как у бенгальских огней. Но пламя это было холодным, да нет – ледяным! Даже пар изо рта при дыхании появился!

И это пламя отшвырнуло Шречку и Чуню, бабищ весом в центнер каждая, словно котят!

Но самое странное – больше никого не тронуло! Хотя та же Рюшка находилась совсем рядом.

А Шречка и Чуня...

Они с грохотом обрушились на пол, успев еще вякнуть что-то матерное.

А потом поднялись. Молча.

И это были уже не они, а два тела. Два обмочившихся,

пускающих слюни тела с абсолютно пустыми глазами.

Так Лена Осенева и получила кличку Ведьма.

Но подруг больше у нее не стало. Ведьму боялись, Ведьму уважали, но – сторонились.

Рядом осталась только Рюшка. Ну как рядом – вместе на работу, в столовую, в баню, разговоры ни о чем, обсуждение книг, но никаких задушевных бесед, ничего о личном, о наболевшем.

Лена видела, что рыжуля тоже в глубине души побаивается. Восхищается – да, гордится таким знакомством – ее теперь тоже опасались обижать, но считает не совсем человеком.

И ни разу, ни единым словом Рюшка не коснулась случившегося. И она, и все остальные избегали разговоров с Леной на эту тему. За спиной шушукались, это да, но стоило Ведьме подойти поближе, и разговоры тут же прекращались. А женщины старались не смотреть ей в глаза.

А Лене так хотелось узнать – ЧТО тогда произошло? Что она сделала? Почему они все так боятся теперь?

Ведь сама она ничего не помнила. Вспышка, и все. И Шречка с Чуней уже овощи.

Ночью, когда Лена в очередной раз мучительно пыталась вспомнить – что же она такого сделала, она вспомнила.

Но не о расправе над двумя гнусными бабищами, нет.

Из кладовки памяти, чихая пылью, выбрался совсем другой эпизод, причем из тех, что Осенева изо всех сил стара-

лась забыть.

Все, что случилось полгода назад на Олешинном острове. Но сейчас Лена словно опять перенеслась в тот полуразвалившийся сарай, где они с Ланкой очнулись связанными по рукам и ногам.

И тетка Иляна, знахарка и ведунья из Румынии, так неожиданно пришедшая к ним на помощь.

И взгляд ее темно-карих, почти черных глаз, словно рентгеном просветивший душу Лены. Сначала холодный, враждебный, этот взгляд постепенно теплел, пока не превратился в горький, но шоколад.

А потом тетка Иляна сказала то, что показалось тогда Лене полной чушью.

В ней, в обычной девушке с Кубани, есть Сила? Причем какая-то чужая, не из этого мира?! И Сила эта сродни той, что черным варевом бурлила внутри мелкой твари по имени Диночка Квятковская, ублюдочной малышки Динь?!

Правда, тетка Иляна сказала, что Сила Лены – светлая. Поэтому знахарка и не придушила Осеневу прямо там, в сарае, а помогла освободиться от веревок.

Потом же закрутился такой мощный торнадо жути, что Лена забыла о словах тетки Иляны.

И вспомнила вот сейчас.

Не обязательно было считаться гением логического мышления, чтобы сложить два и два. То, о чем сказала старая знахарка там, на побережье Белого моря, и случившееся здесь,

в колонии.

Ведь свое ощущение разрастающегося клубка энергии в районе солнечного сплетения Лена запомнила. Получается, это и была та самая Сила, о которой говорила тетка Ильяна?!

Нет, ну здорово, конечно, вот только одна ма-а-аленькая проблемка.

Что с этим всем делать?! Ведь управлять своей Силой Лена не умела. Совсем. Она даже найти хотя бы след ее внутри себя сейчас не могла. Словно весь запас во время того взрыва и израсходовался.

А ведь это именно то, что ей сейчас так необходимо! Что помогло бы справиться с этими гиперборейскими марионетками, Шустовым и Тарским!

Или как минимум – сбежать из колонии, чтобы на свободе разобраться в ситуации, отыскать Матвея и Володю и всем вместе отправиться на помощь Ланке!

И доказать Яромиру, что она, Лена, ни в чем не виновата...

Глава 6

Но сколько Лена ни вслушивалась в собственные ощущения, сколько ни пыталась отыскать хотя бы след каких-либо сверхспособностей, ничего не получалось.

Пробовала настраиваться на соседок по бараку или других швей в цеху, ловить их эмоции, чувства, мысли – по нулям. Нет, ну не совсем, конечно: если кто-то очень сильно раздражен либо расстроен чем-то, или рад, или боится – это чувствовалось. Вот только замечала подобные эмоции не только Лена, они были понятны всем.

По ночам Осенева снова и снова пыталась почувствовать в области солнечного сплетения если не шаровую молнию, то хотя бы искорку. Но увы – никакой искорки там не было.

Возможно, мешало урчание полуголодного желудка – кормили в колонии, в общем-то, неплохо, но уж очень невкусно. И Лена, какой бы голодной она ни была, никак не могла отдать должное вдохновенному мастерству местных кулинаров. Вернее, отдавала. Обратно. Оставляя в металлической миске почти половину порции.

С чем ее желудок был категорически не согласен, о чем и спешил сообщить ночью. Если бы хоть какие-то посылки с воли были, тогда у Лены всегда имелся бы в тумбочке какой-нибудь вкусный аргумент, способный успокоить революционно настроенный желудок.

Но ни посылок, ни вкусных аргументов не было. Родители пока так и не узнали, что случилось с их дочерью, отец с матерью вообще не были сторонниками частого общения. Это вовсе не означало, что они не любили Лену, нет. Просто в их семье, сколько Лена себя помнила, всякие там «телячьи нежности» не приветствовались. Мать, Елизавета Петровна, работала завучем в школе, очень строгим, но справедливым и всеми уважаемым завучем. И эмоции свои всегда держала под контролем, привыкла так. Отец, Николай Павлович, служил инспектором технадзора и без конца мотался по командировкам. А где вы видели добрых, чутких и нежных инспекторов? Работа у них такая – слабины не терпит.

Но Лена всегда чувствовала любовь родителей. Не показную, а внутреннюю, глубокую, сильную. А самое главное – отец с матерью относились к дочке как к равной. Приучали к самостоятельности, всегда советовались с девочкой, принимая решения, касающиеся семьи, уважали ее мнение, отмечали все успехи и не забывали похвалить.

Хотя ласковых обнимашек и девчоночьего шушуканья с мамусей Лене все же не хватало...

Но она все равно очень любила и очень гордилась своими родителями. А в детстве еще и потому, что папа с мамой были, пожалуй, самой красивой и гармоничной парой среди всех, кого Лена знала. Оба высокие, стройные, папа – брюнет с голубыми глазами, у мамы – роскошные волосы цвета спелой ржи и огромные глаза невероятного оттенка моло-

дой листвы. А черты лица настолько правильные, что супруги Осеневы казались братом и сестрой. Ну или хотя бы родственниками.

Хотя на самом деле ни о каком родстве не могло идти и речи – отец родился в Архангельской области, а мама – здесь, на Кубани. И встретились они, когда по распределению приехали в один и тот же сибирский город. Откуда решили вернуться в тепло Краснодарского края – годовалая Леночка плохо переносила холод.

В общем, Лена готова была умереть с голода, лишь бы родители так и продолжали оставаться в неведении. И сейчас даже рада была тому, что в последние годы ее общение с мамой и папой свелось к более чем редким звонкам. И поздравительным открыткам на Новый год и день рождения.

К тому же ее голодовка – добровольная, хоть и вынужденная. Наверное, все же придется призвать вкусовые сосочки на языке не выпендриваться и прекратить посылать в мозг волны отвращения. Подумаешь, невкусно! А силы терять – вкусно?!

Причем не те силы, которые она тщетно пытается отыскать, а обычные, физические. Лена и так никогда не была толстой, она унаследовала от родителей гибкую сильную фигуру, без складок и валиков.

Но зато очень сексапильную, все, что положено (вернее, выращено), у Лены было свое, никакого силикона.

И вот сейчас это «свое» начало стремительно таять. Ни о

какой «зоне декольте» уже и речи идти не могло – там четко просматривался грудной отдел скелета. И ветром пошатывать начало. И живот урчит все сильнее, аж стыдно.

Какие уж тут поиски Силы!

Лена разозлилась. На себя, любимую, разозлилась.

Значит, собралась на выручку Ланке? Вообразила себя ловкой и сильной Ларой Крофт, способной разметать охрану, как кегли? Силу ищешь, только на нее уповая?

А ничего, что ментальная Сила вряд ли сможет перенести по воздуху твою отощавшую задницу?! И без физических сил тебе не обойтись, ну никак.

Так что с завтрашнего дня чтобы всю миску до блеска вычищала! Нет, языком вылизывать не надо, образу Ведьмы это как-то не очень соответствует.

Хорошо, что в бараке все так уматываются за день, что вырубаются, не успев подушки коснуться. И никто не слышит еженощного концерта гадского желудка, с каждым разом становившегося все продолжительнее.

Утром впервые за все время пребывания за решеткой Лена съела все, что числилось в меню их ресторана, а именно: перловая каша, батон, жидкий чай.

А днем ее из цеха вызвали к начальнику лагеря. Но повели почему-то не в его кабинет, а в сторону комнаты свиданий.

Лена мгновенно насторожилась и ощутила, как вдоль позвоночника словно крохотная молния пробежалась, электризуя нервные окончания.

Наверное, опять эти двое пожаловали, Шустов с Тарским! Или один Шустов, что, собственно, без разницы. Суть в том, что видеть эти рожи Осеневой вовсе не хотелось, особенно сейчас, когда она из-за собственной глупости и избалованности так ослабела и стала похожа на узницу концлагеря! Тот гнусы порадуются! Решат небось, что «догнила».

Лена остановилась и повернулась к охраннику:

– Куда вы меня ведете?

– Разговорчики! – рывкнул упитанный мордатый сержант.

– Но кабинет начальника колонии совсем в другом крыле!

– Марш вперед! В ШИЗО захотела?

– Но...

– Вперед, я сказал! Ее на свиданку ведут, а она выкобенивается!

– Не нужна мне никакая свиданка, я их видеть не хочу!

– Это чем же тебе мать с отцом не угодили?

– Что?! – Лена почувствовала, что ноги вдруг словно отнялись, она пошатнулась и упала бы, не поддержи ее озадаченный охранник:

– Эй, ты чего? Что с тобой? Побелела как, а губы синие-пресиние! Кажись, фершала нашего звать надо...

– Не надо, – через силу улыбнулась Лена. – Уже все прошло. Это от неожиданности. Я не думала...

– Мне знать не положено, что ты думала! – раздраженно буркнул сержант, подталкивая Осеневу вперед. – Очунялась – иди! И побыстрее, а то возись тут с тобой! Пусть родки

твои с тобой возьмется, раз такую дочурку вырастили! Топай!

Сердце в груди уже не билось, оно истерически трепыхалось, пробуя скатиться то в пятки, то к горлу взлететь. Лена ничего не соображала от волнения, распахивая дверь комнаты свиданий. Она и боялась, и радовалась, и...

– Доченька! – всхлипнув, к ней бросилась неожиданно постаревшая и поседевшая мать. – Милая моя, ну зачем?!

– Что – зачем, мама? – глухо произнесла Лена, отшатнувшись. – Ты что, веришь, что я убийца?!

– Да ни секунды, глупышка! – горько улыбнулась Елизавета Петровна, прижимая к себе вырывающуюся дочь. – Ну, ну, перестань, родная, не надо, не плачь!

– А я вовсе и не плачу, – просопела Лена в теплое мамино плечо.

– Ну конечно, платье мое промокло от дождя! Глупая моя, любимая девочка! До чего ты себя довела, дурочка! Косточки одни остались, кожицей обтянутые! Так же нельзя! Ты о нас подумала?! Как мы без тебя! Зачем ты так?

– О чем ты, мама? – Лена чувствовала, как от непривычной ласки всегда сдержанной матери начал оттаивать ледяной осколок внутри – оказывается, он был в ее сердце. – Что – зачем?

– Зачем ты попросила адвоката не говорить нам, в какую колонию тебя отправили? – укоризненно произнес обнявший обеих своих девочек отец. – Почему отказывалась от свиданий с нами в СИЗО? Почему наши передачи тебе не

принимали, говоря, что ты не хочешь от нас ничего? И на суд нас не пустили! Мы столько времени и сил потратили, чтобы отыскать тебя, а потом практически обманом заманить на свидание! Что мы тебе такого сделали, доча?

– Я?! – Лена непонимающе посмотрела сначала на мать, а потом на отца. – Я не отказывалась от свиданий! Мне никто ничего не говорил! Я думала... нет, я надеялась, что вы до сих пор ничего не знаете! И просила адвоката ничего вам не сообщать, да, но и все!

– Мы не знаем... – страдальчески поморщился Николай Павлович. – Да как же не знать, если и в газетах, и по телевизору целый месяц только и трубили об этом, поливая тебя грязью! Мы с Лизой сразу поняли – тебя кто-то подставил, причем по-крупному! Ведь даже адвоката нам не разрешили нанять своего, сказали – уже есть. А этот твой адвокат тебя не защищал, а топил! И я, и мать – мы всем сердцем чувствовали, как тебе тяжело одной, мы так хотели тебя поддержать, сказать, что мы рядом. Но не получалось, ты словно в коконе была. И мы думали, вернее, нас убедили, что этот кокон – добровольный. А оказывается, нет? Но кому это понадобилось? И зачем?!

– Неважно, – криво улыбнулась Лена. – Главное, что вы меня нашли. И теперь все будет хорошо!

– Теперь – да, – кивнул отец, вытаскивая из нагрудного кармана странный, явно старинный, медальон. – Вот, надень, Аленка.

– Что это?

– Это наша семейная реликвия, ей неизвестно сколько лет. Медальон передается из поколения в поколение, но носить его можно только женщинам нашего рода и только в очень тяжелый период жизни.

– Но почему ты мне ничего не рассказывал об этом и никогда не показывал?

– А он и мне ничего не говорил, – усмехнулась мама. – Я об этой штуке узнала, только когда ты в беду попала.

– Потому что медальон и разрешено носить только в случае серьезных проблем.

– Но почему?

– Не знаю, доча, – пожал плечами Николай Павлович, – мне мама не объясняла, сказала, что я все равно не пойму. И строго-настрого велела самому его ни в коем случае не надевать, как бы трудно мне ни пришлось.

– Мистика какая-то, ерунда, – пренебрежительно отмахнулась мама, снимая льняное полотенце с накрытых тарелок. – Ты лучше иди сюда, Ленуська, домашнего поешь. А потом с собой возьмешь, мы с отцом много чего привезли.

– Может, и ерунда, – смущенно улыбнулся отец, надевая медальон на шею Лены, – но мне так спокойнее будет.

Глава 7

Только поздно вечером, после отъезда родителей, под тихое сопенье и натужный храп соседок по бараку Лена смогла толком рассмотреть фамильный амулет.

Вернее, сосредоточиться на знакомстве с этой загадочной вещицей, оказавшейся какой-то по-живому теплой, словно на шее висел не медальон, а солнечный зайчик в коробочке.

Потому что отведенные на свидание часы и так пролетели до обидного быстро, она и наговориться с родителями не успела! Возможно, потому, что большую часть времени мама пыталась затолкнуть в рот своему великовозрастному птенчику как можно больше еды, постоянно сетуя на общую костлявость облика упрямого и злосчастного ребенка. Так что рот Лены был мало приспособлен для внятной речи. Хотя порой удавалось вставить слово. А отец, азартно бегая по комнате свиданий из угла в угол, строил песочные конструкции моста, ведущего дочь на свободу.

Рассыпавшиеся от первого же сомнения, высказанного Леной или Елизаветой Петровной.

Потому что западня, в которую угодила Елена Осенева, была тщательно продуманной, подготовленной, причем не совсем обычными людьми, и от этого выглядела монолитно и неприступно. Никакой, даже самый гениальный адвокат не смог бы просверлить хоть крохотную дырочку в камне ло-

вушки.

– Да прекрати ты метаться, Николай! – горько усмехнулась Елизавета Петровна. – Сядь лучше за стол, с дочкой пообщайся, ведь неизвестно, когда еще нам свидание разрешат. Ты уже забыл, ЧЕГО нам стоило добиться этого?

– Ты о чем, мама? – нахмурилась Лена. – Вы что, деньги заплатили?

– Ничего и не деньги, – угрюмо буркнул отец, присев наконец за стол. – Связи пришлось поднимать кое-какие. Не самые приятные.

– То есть? Что значит – не самые приятные? Криминал?

– Ну что ты ерунду городишь, Аленка! Какой еще криминал?! – Николай Павлович помассировал виски. – Пришлось напомнить кое-кому из власть и деньги имущих про должок – пришлось мне пару раз закрыть глаза на серьезные нарушения, из-за которых и бизнесу и репутации этих имущих пришел бы кобздец...

– Коля!

– Ай, да перестань, Лизок! – досадливо отмахнулся отец. – Мы сейчас не в школе, и Аленка еще и с нами может кое-какими, здесь подслушанными, перлами табуированной лексики поделиться. В общем, в результате оплаты таких вот долгов мы тебя и нашли, доча. И свидание это смогли втайне от тебя организовать. Слушай, – брови Николая Павловича сошлись у переносицы, – мне показалось или ты действительно поняла, КТО стоит за твоей изоляцией? Ты скажи, скажи,

если знаешь, я разберусь с этим сволочным манипулятором!

– Нет, папа.

– Что – нет? Не знаешь?

– Не разберешься. Скорее сам станешь марионеткой.

– Не ерунди, Аленка! – взвился отец. – Ты меня что, совсем за идиота и слабака держишь? Думаешь, провинциальный лох, да?

– Пап, вот как раз сейчас ты и ерундишь, – криво улыбнулась Лена. – Ты не идиот, не слабак и уж ни разу не провинциальный лох, и сам прекрасно об этом знаешь. Ты просто подумай сам – ну кто еще мог устроить мою полную изоляцию, как не тот, кто вообще выкопал мне яму? Ты представь только уровень ЕГО связей! И степень опасности, грозящей тебе, если попытаешься влезть и помешать...

– Да плевать мне на опасность! – запальчиво выкрикнул Николай Павлович. – Я...

– И на маму что, тоже плевать?

– А при чем тут Лиза?

– А при том, – горько усмехнулась Лена. – Ты что, забыл излюбленный прием мразей всех времен и возрастов – шантажировать проблемного персонажа близкими людьми? Ты маму под удар подставить решил?

– А я Лизу отправлю куда-нибудь...

– Я тебе что, посылка, что ли? – возмутилась Елизавета Петровна. – Никуда отправляться я не собираюсь, я буду тебе помогать дочку выручать!

– Ну что, пап, убедился? – Лена тяжело вздохнула и печально посмотрела сначала на отца, а потом на маму. – Ребята, самое лучшее, что вы сможете для меня сделать, – это не пытаться начинать собственное расследование. И тем самым не связывать меня по рукам и ногам. Я должна быть спокойна за вас, ведь вы – моя семья. Самые мои близкие и любимые люди, ради которых я пойду на все. Вы – те самые ниточки, которые свяжут мои руки и ноги с руками манипулятора, превратив меня в марионетку...

– Не говори так, Аленка, – глухо произнес отец. – У меня аж мурашки по коже от твоих слов.

– Потому что ты понимаешь – это правда. И подсознательно чувствуешь – не можешь не чувствовать, – с КЕМ мне пришлось столкнуться.

– И что ты предлагаешь – бросить тебя одну, оставить без помощи?

– Не бросить и не без помощи. Главная ваша с мамой помощь сейчас – не создавать мне проблем. Я должна быть спокойна за вас, понимаешь? Тогда я выберусь.

– Одна?

– Ну почему же одна, надеюсь, Матвей и Володя помогут.

– Кто?

– А те двое, что проходят по моему делу как соучастники.

– Кравцов и Свидригайло? Сумевшие скрыться?

– Они самые.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянул отец. – Они броси-

ли тебя, сбежали, как последние трусы, а ты на них рассчитываешь?

– Они не трусы, пап. Просто Матвей знает, что собой представляет наш главный враг, и я абсолютно уверена – Кравцов сейчас делает все возможное для контрудара. Но скрытно, по-другому с этой мразью нельзя.

– С кем? Кого ты имеешь в виду? Аленка, ну ты хоть намекни, кто тебя подставил.

– Тот же, кто и Кролика Роджера, – улыбнулась Лена.

– Хохмишь? – обиженно поджал губы отец. – Значит, не скажешь?

– Нет, папуль, прости. И пообещайте мне оба – вы сейчас вернетесь домой и заживете прежней жизнью, не совершая лишних телодвижений...

– Ну, допустим, прежней не получится...

– Коля, помолчи!

– Та-а-ак, – Лена требовательно перевела взгляд с отца на мать и обратно. – А ну-ка, признавайтесь – что у вас случилось?

– Как это что? Дочку какая-то сволочь подставила!

– Пап, ты мне зубы не заговаривай, колись быстро – что произошло?

Но родители отводили глаза и говорить явно не собирались, только мама под столом пнула отца ногой, думая, что Лена не видит.

Не надо было быть гением дедуктивного мышления, что-

бы не предположить наиболее вероятное развитие событий после того, как Лена стала хедлайнером новостей.

– Мам, – Лена участливо притронулась к родному плечу, – у тебя проблемы на работе из-за меня, да?

– У меня? – фальшиво удивилась Елизавета Петровна, но, не выдержав пытливого и одновременно ласкового взгляда дочери, всхлипнула и отвернулась.

– Неужели уволили?! – недоверчиво посмотрела Лена на отца.

Тот молча кивнул, катнув по скулам желваки.

– Но как же так?! Ты ведь заслуженный учитель, тебя дети любят и уважают, ты всю себя школе отдавала!

– Ну и что? Какое все это имеет значение, если... – Елизавета Петровна махнула рукой и начала судорожно копать-ся в сумке в поисках носового платка.

– Если ты вырастила преступницу? – криво усмехнулась Лена. – Вот ведь крысы подлые!

– Они не подлые, им начальство приказало! Директриса наша, Мария Степановна, даже прослезилась, когда мне сообщила об увольнении!

– Да толку от ее слез! Лучше бы защитить тебя попыталась! Ведь по закону она не имела права тебя уволить! Надо в суд подавать было!

– Да не до того нам было, если честно! – Елизавета Петровна вытерла слезы и ласково обняла дочь. – Мы с тобой увидеться пытались, помочь, поддержать. А эти все... Бог им

судья!

– Ничего, мама, – тихо, но твердо произнесла Лена, прижавшись к матери, – все наладится. Я обещаю.

Глава 8

В общем, там, в комнате свиданий, Лена совсем забыла о подарке отца. Мимолетно отметила странное тепло, разлившееся по телу сразу после того, как на шее оказался медальон, но водоворот эмоций, закруживший девушку рядом с самыми близкими ей людьми, унес Лену далеко и надолго.

И даже после того, как Лена распрощалась с родителями, она не сразу вспомнила о загадочной семейной реликвии – уж очень мощным был душевный торнадо.

Главной движущей силой которого был нарастающий гнев. Гнев и ярость.

Лене казалось, что ее желание помочь Лане и разоблачить Шустова с подельником и так достаточно мощное и всеобъемлющее, ведь эта парочка вдребезги разбила ее прежнюю жизнь, они повинны в смерти замечательного человека, ее друга, почти брата – Кирюхи. Они превратили сильную и непокорную умницу Лану в безвольную марионетку, не способную мыслить и действовать самостоятельно. Правда, не учли одного, с их точки зрения – несущественного, обстоятельства – любви Ланы к Кириллу. Единственного, что удерживает сейчас подругу от окончательного падения на дно пропасти.

А теперь оказалось, что эти твари испортили жизнь еще и ее, Лены, родителям! Ну и вишенка на торте из мерзости –

попытка изолировать осужденную Елену Осеневу.

Чтобы быстрее догнала.

Скоты, уроды, ублюдки сволочные! Думаете, справились? Победили?!

Молниеносный блицкриг?

Попросите своих помощничков с той стороны с Адольфом Шикльгрубером пообщаться, он напомним, чем закончился его собственный блицкриг. Тут хоть Гитлером назывись, хоть Шмитлером – результат один.

Подлость, зло, предательство, жестокость НИКОГДА не смогут победить окончательно и бесповоротно. Временно – да, но рано или поздно этим выкидышам Тьмы придется обратиться туда, откуда их выкинули.

И она, Лена, сделает все возможное и невозможное, чтобы это случилось как можно раньше. Тем более что невозможное у нее вроде как получается, вот только управлять этими способностями не выходит.

Как, ну как же научиться находить в себе источник Силы и превращать его в оружие? У нее нет времени на долгое и вдумчивое самокопание, время там, на свободе, ощутимо сжимается, опасность нарастает, и неизвестно, сколько еще продержится Ланка в одиночку!

И только после отбоя, когда Лена снова попробовала прислушаться к себе, она поняла, что в привычной мелодии тела зазвучала новая нота. Причем зазвучала уверенно и мощно, бархатной виолончелью.

Это был подаренный отцом медальон, о котором Лена успела забыть.

Тепло, которое девушка ощутила в момент соприкосновения с семейной реликвией, очень быстро стало незаметным, слившись с теплом ее тела. Слишком уж силен был шторм в душе Лены, чтобы постоянно чувствовать живое тепло этой вещицы.

Но теперь, посреди наполненной сонным сопением и храпом душной темноты спящего барака, медальон напомнил о себе, и не только теплом. Он вызывал ощущения, похожие на те, что возникают в наэлектризованном грозой воздухе, – легкое покалывание. И чем больше Лена пыталась вслушаться в себя, отыскать искорку Силы, тем сильнее электризовался медальон.

Девушка присела на кровати и заглянула за ворот казенной серой майки.

И едва удержалась от судорожного всхлипа – подарок отца светился! Вернее, не совсем чтобы светился – по нему словно пробегали крохотные голубые молнии, исчезая потом в теле Лены.

Никакого физического дискомфорта это не доставляло, наоборот, молнии словно подзаряжали девушку, разгоняя по телу пузырящуюся энергию.

Так, может, эта семейная реликвия и есть ключ к ее сверхспособностям? И теперь она сможет наконец, подзарядившись от медальона, управлять своей Силой?

Лена попробовала сконцентрировать веселые пузырьки в ладонях, но ничего не получилось. По телу хмельная энергия гуляла, девушке казалось, что она сейчас легко и непринужденно пробежит километров десять, даже не запыхавшись, но послушно плыть в указанном направлении молнии из медальона явно не собирались.

– Что же ты такое? – прошептала девушка, осторожно вытаскивая отцовский подарок из-под майки.

Конечно, было бы неплохо, случайно нажав какую-нибудь незаметную кнопочку, услышать внятную и подробную инструкцию по эксплуатации артефакта, но увы – такой функции неизвестные мастера не предусмотрели.

Они вообще особо не заморачивались с дизайном украшения – Лена держала сейчас в руках обычный кругляшок где-то сантиметра три в диаметре.

Хотя нет, ошибочка. При ближайшем рассмотрении – при очень ближайшем, в темноте барака пришлось поднести медальон практически к носу – кругляшок оказался не таким уж и обычным.

Во-первых, он был слишком правильной формы, можно сказать – идеальная двояковыпуклая линза. Словно не из металла, а из стекла.

Но это было как раз во-вторых: материал медальона. Что-то среднее между металлом и стеклом, ничего подобного Лена раньше не видела. Причем материал этот был полупрозрачным, внутри линзы как раз и возникали эти маленькие

разряды-молнии.

Правда, стоило Лене отдалить медальон от тела, как молнии начали затухать, превращая линзу в почти непрозрачный кругляшок.

Зато теперь на нем проступили, в-третьих, странные знаки, почему-то вытащившие из памяти девушки слово «руны». Лена не могла причислить себя к немногочисленной когорте лингвистов, с одного взгляда определяющих, что за письмена принесли им на экспертизу.

Но девушка почему-то была абсолютно уверена в конфузе любого профессора лингвистики, попытавшегося бы идентифицировать руны на ее медальоне.

Лена просто ЗНАЛА – эти письмена из другого мира, никакого отношения к ее реальности они не имеют.

И знание это было какое-то глубинное, генетическое, не требующее никакой аргументации.

Свечение окончательно погасло, и Лена вдруг поняла, что жутко устала за этот такой длинный, наполненный эмоциями и переживаниями день. Думать и анализировать больше не получалось, веки отяжелели настолько, что показались девушке чугунными.

Тратить силы на то, чтобы удерживать их открытыми – тем более без причины, исключительно из ослиного упрямства, – Лена не собиралась, если хочется спать, надо спать. Набираться сил. Это теперь – ее главная задача: в темпе восстановить хорошую физическую форму.

Потому что бурлящая энергия из медальона вряд ли поможет той, у кого вместо тренированных мышц – отварные макароны.

Лена отправила подарок отца обратно под майку и отключилась еще до момента соприкосновения головы с тощей подушкой.

А минут через десять на верхней койке соседних двухъярусных нар закопошилась Губа, по документам – Слюсарева Ираида Поликарповна. Но, сколько себя гражданка Слюсарева помнила, никто никогда не обращался к ней по имени-отчеству (если только следователь какой вежливый попался), уж больно не соответствовало оно облику маленькой, тощенькой бабенки, единственной гордостью которой были толстые, какие-то негроидные губы.

Которые, собственно, и дали новое имя Ираиде Поликарповне.

Губа была из свиты Шречки и Чуни. Эта особь женского пола не могла существовать самостоятельно, она была слишком безвольна и труслива. На зону Губа отправлялась с редкостным постоянством – работать гражданка Слюсарева не умела и не любила. А вот мошенничать, обирая доверчивых стариков, – с удовольствием. В последний раз старушка оказалась не такой уж и доверчивой, и Губа из мошенницы превратилась в убийцу.

И загремела в колонию строгого режима, где мгновенно прилепилась к двум откормленным акулам, Шречке и Чуне.

Да, ею помыкали, она стала чуть ли не рабыней двух бабищ, девочкой на побегушках, прислугой и застиранной тряпкой, отдавая им все самое лучшее из присылаемых родней посылок, но зато никто иной не смел и пальцем тронуть Губу! А если кто-то из другого барака по незнанию пытался поставить обнаглевшую малявку на место, та бежала жаловаться к повелительницам. А повелительниц боялись все.

И вот все в один момент изменилось! Пришла эта отвратительно красивая сучка и превратила повелительниц в два бревна! И спокойная жизнь закончилась – все, кого когда-либо обижали Шречка и Чуня, теперь мстительно оттягивались на их свите, в которую, кроме Губы, входили еще две осужденные по тяжелым статьям зэчки.

И отомстить этой Ведьме хотелось, ох как хотелось, но куда там! Губа на всю жизнь запомнила мгновенно ушедший из глаз ее повелительниц разум. Да, его там изначально было не особо много, но все-таки он был! И вдруг – ослепительная вспышка из рук Ведьмы, и глаза Шречки и Чуни превратились в оловянные пуговицы.

А Губе совсем не хотелось стать чем-то подобным, пускать слюни и гадить в штаны.

Поэтому да – она ненавидела Ведьму, мечтала отомстить ей, но сидела тихо и не рыпалась.

И вот сегодня ей повезло! И даже хорошо, что желудок сильно крутило, и обычно вырубающаяся на второй минуте после отбоя Губа маялась без сна.

Теперь она знает, ЧТО делает Ведьму ведьмой! Та штука у нее на шее, под одеждой незаметная! Вон как светилась, прям молнии внутри!

А если эта вещь станет собственностью ее, Губы, то Губа превратится в Ведьму, а Ведьма... ну, назовем ее Шваброй. А что, классно! Вон, она так отошчала, что и на самом деле на швабру похожа!

Главное теперь – дожидаться, пока Ведьма уснет покрепче. А остальное – дело техники, с чем у зэчки проблем не было, ее первая ходка как раз была за кражу.

Губа какое-то время лежала неподвижно, прислушиваясь к ровному дыханию Ведьмы. Но надолго терпения не хватило, перспектива полной власти над всеми кружила ей голову, и Губа пошла на дело.

Тем более что и дела особого не было, подумаешь – цацку с шеи крепко спящего человека снять!

Губа бесшумно соскользнула со своей койки, постояла, прислушиваясь, потом на цыпочках приблизилась к койке Ведьмы, пару секунд с ненавистью разглядывала точеные черты лица, и вот уже подрагивающие пальцы осторожно вытягивают цепочку медальона.

Все шло как надо. Ровно до тех пор, пока потные руки не прикоснулись к собственно медальону...

Глава 9

Лена еще не успела толком завернуться в уютное бархатное одеяло сна, как в уши ввинтился гнусный, похожий на скрип пенопласта по стеклу, визг. Причем визжали где-то совсем рядом, практически возле страдальчески завибрировавшего барабанной перепонкой уха.

Осенеvu буквально подкинуло на койке, кусочек черного бархата все еще закрывал глаза, и девушка ничего не могла пока рассмотреть. А подсознание в первую очередь пришло на помощь подвергаемому жестокой пытке слуху и отправило на выручку ладони девушки, зажав ими уши.

Так что глазам пришлось промаргиваться самостоятельно, протереть их уже было нечем.

А тут еще и лампочка под потолком, включенная прибежавшим на шум охранником, загорелась, спросонья показавшись не слабенкой шестидесятиваттной, а мощным проектором.

В общем, какое-то время Лена могла только прислушиваться к происходящему, тем более что происходило оно довольно шумно. С непрекращающимся визгом, руганью разбуженных зэчек и грозными окриками охраны:

– ...! Что тут происходит? Кто у нас в штрафной изолятор захотел? Эй, ты чего верещишь? Твою мать, что это с ней?! Кто это сделал?!

К концу тирады угроза в голосе охранника сменилась испугом.

Что стало вдохновляющим пенделем для сонных век Лены, они встrepенулись и заработали часто-часто, окончательно счищая пленку сна.

И первое, что увидела девушка, – вытащенный из-под майки медальон. К счастью, когда Лена присела на койке, он оказался прикрыт одеялом, так что вряд ли кто-то смог его заметить.

Осенева торопливо вернула отцовский подарок на место и только потом посмотрела вниз.

И почти точно воспроизвела алгоритм действий охранника, только первое слово было более литературным.

«Бли-и-ин!».

И вопросов по поводу причины случившегося у девушки не возникло.

Вытащенный из-под майки медальон подсказал.

И обугленные, словно она к оголенному высоковольтному проводу прикоснулась, ладони Губы...

Страшные, черные, скрюченные.

Зэчка каталась по полу, выставив вверх огарки, и продолжала верещать на той же высокой ноте, словно ее заклинило. Визг прерывали только частые вдохи, а потом выматывающий вой снова ввинчивался в уши окружающих.

А окружающих набиралось все больше – разбуженные женщины скапливались возле вьющейся на полу Губы, по

ходу комментируя ситуацию.

Правда, комментарии эти особым разнообразием и вдумчивым анализом происходящего не отличались. Как, впрочем, и изысканностью слога:

– ... твою мать! Что за...ня происходит?!

– О...еть! Гляньте на ее грабки! Она че, в топку полезла?! В котельной?!

– Ты че,...лась совсем? Вот так прямо вышла из барака, потопала в котельную, сунула руки в топку, от...див перед этим техника, а потом пулей обратно, чтобы тут повизжать?!

– А чего тогда? Что с ейными руками? Может, лишай какой, а?

– А вот сейчас фершал нам скажет! Эй, фершал, че с Губой такое? Это не заразно?

Прибежавший по вызову дежурного заспанный фельдшер озадаченно разглядывал уже охрипшую от воя зэчку, почему-то даже не пытаясь ей помочь. Что мгновенно взбесило остальных женщин:

– Ты чего вылупился, козел?! Она же счас от боли загнет-ся! А ну, быстро подними свою жопу да бабу осмотри! Укол какой ей сделай, чтобы не орала так!

– А вы меня не учите! – огрызнулся пожилой фельдшер, все же присаживаясь рядом с Губой. – И вообще, разойдитесь, вы мешаете! Дышать уже нечем!

– Марш по местам! – гаркнул охранник, на помощь которому прибежали еще двое, дежурившие снаружи. – И за-

ткнулись все! Не мешайте доктору!

– Доктора нашли! – фыркнул кто-то из зэчек. – Он только пластырь на порез наклеить может, да и то криво! А тут случай серьезный, капельница может понадобиться, и это как минимум. А вообще – Губу надо срочно в серьезный стационар везти, иначе загнется.

– О, да тут коллега срок отбывать изволит, – криво усмехнулся фельдшер, копошась в своем чемоданчике. – Вы, сударыня, кто? Профессор медицины, не меньше?

– Нет, не профессор, медсестра. Но даже мне ясно – у Губы ожоги, причем серьезные, вряд ли у вас нужные препараты найдутся.

– Мистика какая-то, – проворчал фельдшер, отламывая кончик ампулы. – У этой женщины действительно серьезно обожжены руки, но я ума не приложу, КАК?! Где она могла так обжечься?

– А хрен ее знает! – пожал плечами охранник. – И нечего на меня тарашиться, я отвечаю – из барака никто не выходил, даже по нужде. Было тихо, все спали, а потом вдруг этот визг! Я сразу прибежал, и сто пудов – эта баба была одна на полу! Никто от нее не убегал, все только-только просыпаться начали. Сидели на койках и моргали слепыми совами. Но главное – никакого огня, и паленым не воняет, вы же чувствуете!

– Да, действительно, – покачал головой фельдшер, набрав в шприц лекарство. – Запаха горелой плоти нет, а горелая плоть есть. Говорю же – мистика. Так, сейчас мне надо, что-

бы ее кто-то зафиксировал, а то она так дергается, что я в вену не попаду. Вот вы двое, – эскулап кивком указал на Рюшку и Лену, – сползайте с коек и придержите вашу подругу.

– Она нам не подруга, – буркнула Рюшка, крепко прижимая Губу к полу. – Я просто хочу, чтобы поскорее прекратился этот вой, а то у меня голова сейчас треснет.

– А вторая почему медлит? – поторопил Лену охранник. – Ишь, несет себя, словно королева! А ну, шевели задницей!

– Ты с ней поосторожнее, – тихо прошелестел кто-то из женщин. – Это же Ведьма!

– Чего-о-о? – вытаращил глаза вертухай. – Какая еще ведьма? На помеле летает, что ли?

И радостно заухал, мысленно аплодируя своему остроумию.

– А вот отсохнет у тебя твой перчик, тогда и узнаешь, какая ведьма, – хмыкнул кто-то еще.

Уханье мгновенно прекратилось.

Тем временем Лена как раз наклонилась над вырывающейся из рук Рюшки Губой и кивнула рыжуге:

– Ты прижимай ее со своей стороны, а я – отсюда. Вот так, – она с силой навалилась на бьющееся тощее тело и кивнула фельдшеру: – Давайте, доктор, действуйте. А то бедняга уже охрипла от крика.

Со своей задачей эскулап справился вполне профессионально – тонкое жало иглы с первого раза попало в вену, и через пару минут Губа перестала дергаться и затихла, тяже-

ло и со свистом дыша. Глаза ее были закрыты, лицо резко осунулось и побледнело.

– Что это с ней? – с сомнением подняла глаза на фельдшера Рюшка. – Чего вдруг синяя такая стала? Что вы ей вкололи?

– Обезболивающее я ей вколол, – устало произнес эскулап, осторожно смазывая обугленные руки Губы. – Сейчас вот повязки наложу и буду начальнику колонии звонить, пусть перевозку вызывает. А синяя она от боли и крика, просто заметно стало, когда затихла. Эту женщину надо в больницу везти, в ожоговый центр.

В этот момент Губа, которой, вероятно, стало чуть легче, открыла глаза и увидела склонившуюся над ней Лену.

В глазах эчки заплескался откровенный ужас, она снова задергалась и захрипела:

– Уходи! Отстань от меня! Я не хотела красть! Я больше не буду! Не надо-о-о-о!!!!

– Это все Ведьма... – сдавленно прошелестело в бараке. – Это она сожгла Губу...

Глава 10

Рюшку мгновенно словно ветром сдуло, она перестала фиксировать Губу и с ногами забралась на свою койку, где судорожно спряталась под одеяло и затаилась.

Охранники отшатнулись и дружно заклацали затворами, а у фельдшера мелко-мелко затряслись руки. Правда, бинтовать пострадавшую он не перестал.

А сама пострадавшая уже не билась и не выла. Потому что не могла – трудно это делать в отключке.

В бараке душным смогом повисла напряженная тишина.

Лена физически ощущала нарастающий страх окружающих, тело словно иголками кололи. Не сильно, но и приятного тоже мало.

– Вы что, с ума посходили все? – криво усмехнулась девушка. – Я ведь тоже спала и от крика проснулась, как и вы все! И охранник сказал, что никого возле Губы не видел! Я разве была рядом с ней, когда вы вошли? – она перевела взгляд на охранника.

– Я не видел, – буркнул тот, насупившись. – Но я ведь прибежал на крик, а что тута делалось до того, как эта заведущая, – не знаю.

– И я не знаю! – заорала Лена. – Я спала!

Все молчали. Но девушка чувствовала – не верят. И боятся. Боятся все сильнее.

Не верят, возможно, потому, что Осенева обманывала.

Лена знала, что произошло. Вернее, догадывалась. Вероятно, Губа увидела светящуюся штучку и решила украсть ее у Ведьмы. А семейная реликвия вовсе не желала переходить в чужие руки.

И ударила по этим рукам...

Значит, чужие не могут прикасаться к медальону, только члены семьи. Ну что же, за артефакт можно не переживать, чего нельзя сказать о самой Лене.

Осенева знала – от тех, кого боятся, постараются избавиться. Рано или поздно. Любой ценой.

То, что произошло со Шречкой и Чуней, зэчки – да и не только они – приняли. Пусть и дали новенькой кличку Ведьма, и побаиваться начали, но не так, чтобы сильно.

Наверное, потому, что две жирные жабы своим террором всех достали, да и превращение их в два гигантских кабачка произошло безболезненно.

А тут – жуть какая! Руки обгорели чуть не до кости! Да, Губу нельзя назвать приятной во всех отношениях дамой, да, она подленькая и трусливая, но и вреда особого никому не причиняла, а после исчезновения покровительниц вообще затихла. И вдруг – такое!

Допустим, поступок Ведьмы можно было бы как-то оправдать, захоти Губа придушить ее во сне, но такого точно не могло случиться! Губа слишком боязлива, с...куха она для мокрого дела.

Вот спереть что-то по-тихому могла. И тырила периодически, и была бита за крысятничество, но жечь руки живьем...

В общем, после того как Губу увезли в больницу, Лена оказалась в полной изоляции. Даже Рюшка перестала с ней общаться. Пару раз Осеневу таскали на разборки к начальнику колонии, у которого мозг вскипал от творившейся в подведомственном учреждении ерунды.

Хотя ерунда – не совсем то слово. Х...ня тут происходила, самая что ни на есть х...вая х...ня!!!

Сначала те две бабы, еле отписался, теперь – того хуже! Ожог рук четвертой степени, заключенной грозит ампутация, а как, что – никто не знает! Бред какой-то несут насчет Елены Осеневой, но не писать же в отчете: «Руки осужденной Слюсаревой сожгла с помощью магии осужденная Осенева»!

Само собой, Осенева все отрицает, еще и смотрит удивленно-насмешливо своими зелеными глазищами, мол, ты в своем уме, гражданин начальник? Что за пургу ты гонишь?

Хотя, если проанализировать события последних месяцев, именно с появления в колонии Елены Осеневой и начались все эти заморочки. Может, совпадение, а может...

Как бы там ни было, а надо попытаться добиться перевода этой зеленоглазой девицы в другую колонию. Другой вопрос – как сделать это самым безопасным для собственной задницы способом? Ведь связи у родителей этой Осеневой нехилые, не супермега, конечно, но и не шелупонь с окраины.

Вот если бы...

Начальник колонии и сам толком не знал, что именно «если бы», но ему на помощь совершенно неожиданно пришли сами зэчки. На стол легло коллективное письмо женщин, живущих в одном бараке с Осеновой с просьбой срочно убрать Ведьму куда подальше. Иначе они объявят голодовку. Подписались все без исключения заключенные.

Ну вот, теперь можно и в управление ФСИН рапорт писать. Кому нужен лишний шум с голодовкой, за это пистон вставят не только собственному начальнику колонии, но и областного руководству.

Лена ничего не знала об ультиматуме соседок по бараку. Да и откуда узнать, если от нее шарахались, как от чумной. В столовой Лена сидела одна, на работу ходила одна, если пыталась с кем-то заговорить – отвечали, но односложно. И в глаза старались не смотреть.

Нельзя сказать, чтобы девушка особо переживала по этому поводу. Ну да, приятного мало, но до открытых пакостей и вредительства дело пока не доходило – они просто боялись вредить Ведьме, себе дороже.

А так – никто не пристаёт с расспросами, не мешает тренироваться, не любопытствует, зачем Ведьма берет в библиотеке все, что хоть как-то связано с духовным самосовершенствованием, йогой, медитацией и прочей непонятной и мало кому в колонии нужной чепухой.

Правда, Лена брала не только специальные книги, для

подпитки измученной души она читала классику – и прозу, и поэзию. И современных авторов тоже.

Особенно по душе ей пришлись стихи ее тезки, Елены Ярмолович. Небольшая книжка в стильной черно-белой обложке была так затрепана и зачитана, что становилось ясно – эти стихи легли на душу не только Осеневой.

Некоторые строки сами собой запомнились, и Лена порой ловила себя на том, что во время тренировок, отжимаясь или подтягиваясь, она шепчет в ритм:

Руби канаты!
Отчалить! Быстро!
Мы здесь чужие!
Нам нет здесь близких!
Руби канаты!
Бегом на выстрел!
Волной умыли,
А чтоб нам чисто!
Сорвались двери
С петли не мертвой,
По следу зверя
Мозоли стерты.
Сорвались в море.
Прощай, наш берег!
Нас нет – не горе,
Мы есть – не верят!
Руби наотмашь,
Чтоб не догнали!

Не верят – бог с ним,
Не очень ждали!
Руби, не мешкай!
Пока мы спали,
Решили – гоним!
И нас погнажи!

Она шептала эти рубленные строки снова и снова, а зэчки думали – колдует...

И страха становилось все больше. А еще – злобы. И даже ненависти.

Отдававшейся в душе Лены физической болью. И она снова брала в библиотеке томик Толстого или Тургенева.

И лечила душу.

Глава 11

А тут приходят и снова к начальнику колонии зовут. Ну сколько можно? Что еще он хочет узнать? Ничего нового Лена поведать этому упитанному обладателю вечно потных темных подмышек не собиралась. Даже если беседа будет задушевной, с чаем, лимоном и горькой сушек на блюдечке.

Хотя сушки Лена любила. С детства. Папа научил ее хрупать маленький кругляш ладонью и бросать потом изогнутые кусочки в чай. Они немного разбухают, пропитываясь сладкой коричневой жидкостью, и потом так здорово вылавливать их ложкой и жмуриться от удовольствия!

Эту маленькую радость детства Лена пронесла через студенческие годы, заботливо упаковала ее в ментальный сундучок самого необходимого, уезжая в Москву, а там, в интравертном мегаполисе, чай с сушками порой был единственным блюдом в суточном меню. Поначалу. Когда завоевание Москвы только начиналось.

Но и потом, когда Лена успешно допрыгала по карьерной лестнице до более чем приличного дохода и у нее появились квартира, машина и дача (будь она неладна!), чай с сушками не отправился в кладовку памяти.

Поэтому мама с папой и притащили увесистый пакет с сушечным ассорти: и ванильные там были, и простые, и с маком, и...

Но все «и» уже закончились, сколько Лена ни растягивала удовольствие. И Осенева совсем не отказалась бы от угощения у начальника колонии.

Правда, до сих пор он не рвался поить головную боль но имени Елена Осенева чаем-кофием, но кто знает? Никогда не поздно начать, верно?

Но толстяк – как всегда, в пропотелой форме – явно не собирался начинать. Во всяком случае – распивать чай с зэчкой. Может, что другое, например, бег трусцой по утрам или выпиливание лобзиком произведений искусства, начальник колонии и собирался. Начать.

Но однозначно не задушевные беседы с Ведьмой.

Хотя настроение у него было явно позитивное: утонувшие в лице глазки сияли, помидорные щеки сдавливала радостная улыбка, пухлые ладони радостно потирали друг дружку.

Эти трущиеся ладошки были первым, что заметила Лена, когда вошла в кабинет начальника колонии. И инстинктивно сморщилась, ожидая противного, режущего слух скрипа – потел толстяк весь. Целиком. И руки не были исключением.

А если еще учесть один ма-а-аленький смердючий факт из личностных характеристик этого бравого офицера внутренних войск – он явно пренебрегал выдумками западных буржуев, гнусной химозой, именуемой дезодорантом, – перекосило осужденную Осеневу более чем заметно.

Но бурлящий позитивом начальник колонии на гримасы зэчки внимания не обратил, наоборот, при виде Лены он за-

сиял еще сильнее, цветом лица и шевелюры подтвердив народное сравнение с медным тазом, и, откинувшись на спинку удобного, а главное – прочного кресла, зарокотал:

– А-а-а, пришла, наконец! Ну проходи, присаживайся!

– Осужденная Елена Осенева, статья... – заученно начала скороговорку Лена, но толстяк прервал ее:

– Да ладно тебе, осужденная Елена Осенева, не таракти. Садись!

– Уже! – браво гаркнула Лена, преданно таращась в середину начальственного лба.

– Что – уже?

– Уже сижу. Статья...

– Да хватит придуриваться, садись вон на стул и слушай. Молча! – предупредительно гаркнул толстяк, прихлопнув ладонями по столу.

Как и следовало ожидать, на поверхности стола появились мокрые отпечатки. Лена мысленно порадовалась, что благосклонность начальства не распространилась до пожатия руки этому типу.

– Так вот, – начальник вытащил из верхнего ящика стола папку, открыл ее и начал перебирать собранные там бумаги, – я тебя вызвал для того, чтобы сообщить о твоём переводе в другую колонию.

– В другую? – искренне удивилась Лена. – А по какой причине? Эту что, расформировывают? Или половую принадлежность решили сменить?

– Чего? – слегка закосел начальник. – Какую еще половую принадлежность? Ты о чем это? Ничего я менять не собираюсь! Сдурела, что ли?

– Да не вы, а колония! Я имела в виду смену женского профиля этого пенитенциарного учреждения на мужской. Зэчек на зэков. Хотя насчет смены пола я бы на вашем месте не горячилась, а хорошенько подумала.

– В смысле? – все сильнее окосевал толстяк.

– А из вас очень симпатичная женщина может получиться. Эдакая аппетитная секси, знойная женщина, мечта поэта.

– Думаешь? – автоматически ляпнул начальник, а потом его и без того красное лицо начало багроветь, постепенно приобретая фиолетовый оттенок. – Молча-а-ать! Ты что себе позволяешь, сучка?! Совсем страх потеряла?! Думаешь, если тебя переводят, так штрафной изолятор тебе не грозит?! Да ты... да я тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.